

В.М. Чернов: от терроризма к пацифизму Эволюция мировоззрения и реалии Советской России

Ольга Коновалова, Вера Фёдорова

V.M. Chernov: from terrorism to pacifism.

Evolution of his views and Soviet Russia's realities

*Olga Konovalova (Siberian Law Institute of FDCS of Russia;
Siberian Federal University),*

*Vera Fedorova (V.P. Astafiev Krasnoyarsk
State Pedagogical University, Russia)*

В начале XX в. на российской политической арене появились социалисты-революционеры – радикальная социалистическая партия, взявшая на вооружение террористические методы борьбы с самодержавным режимом. Идеолог эсерства Виктор Михайлович Чернов сформулировал его теоретические основы, синтезировав идеи классического народничества, марксизма и новейшие достижения мировой общественной мысли. Ему принадлежит ведущая роль в теоретическом обосновании места террора в тактике политической борьбы эсеровской партии. Поэтому, хотя сам он за всю свою политическую биографию не поучаствовал ни в одной террористической акции, его имя в сознании многих современников и историков оказалось неразрывно связано с эсеровским террором. С другой стороны, в 1920–1930-е гг. Чернов выдвинул доктрину «конструктивного» социализма, в которой резко осуждалась практика политического насилия большевиков в процессе модернизации страны и обосновывалась идея демократии как необходимого условия социалистических преобразований.

Кем же был этот человек – социалистом-террористом или социалистом-демократом? В отечественной историографии в оценке его политического мировоззрения прослеживалось сильное давление идеологических пристрастий. Представителей охранительного и праволиберального направлений объединяло категорическое неприятие его революционно-социалистической ориентации. Так, бывший жандармский генерал А.И. Спиридович в своей книге, посвящённой истории эсеровской партии, сформировал устойчивое представление об эсерах как исключительно террористической организации, а Чернова считал главным идейным вдохновителем её тактики¹. Эмигрантские историки обвиняли его в пособничестве большевикам².

В советской историографии 1920-х гг., как правило, редуцировалась данная В.И. Лениным критическая оценка эсеровской идеологии как мелкобуржуаз-

© 2016 г. О.В. Коновалова, В.И. Фёдорова

¹ *Спиридович А.И.* Партия социалистов-революционеров и её предшественники. Пг., 1918.

² *Зайцев А.* 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934; *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 1–2. Пекин, 1921; *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1–3. Белград, 1930–1931.

ной, эволюционировавшей к контрреволюции³. Чернов же в качестве идеолога эсеров вообще стал фигурой *non grata* для советских историков, особенно после выхода сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)». Однако даже в период «хрущёвской оттепели» отношение советских историков к эсеровской партии и её лидеру мало изменилось: эсеры по-прежнему рассматривались как пособники контрреволюции, а их идеология характеризовалась в лучшем случае как ненаучная, а в худшем — реакционная⁴.

В 1970–1980-х гг. позиции историков в оценке эсеровской идеологии несколько смягчились. Так, В.Н. Гинев⁵ выступил против упрощения теоретических воззрений В.М. Чернова, В.Г. Хорос⁶ положительно оценил его концепцию о типах капитализма. Однако социалистическая программа эсеров даже в это время так и не избавилась от клейма «мелкобуржуазности».

В 1990-е — 2000-е гг. в отечественной историографии появились исследования, в которых предпринимались попытки осмыслить эсеровскую социалистическую программу как демократическую альтернативу большевизму⁷. Вышли работы, отличавшиеся тем, что «разоблачительный» пафос сменялся признанием значительного вклада Чернова в развитие российской общественной мысли⁸. К.В. Гусев, например, развивая тему исторической обречённости эсеровского террора, характеризовал Чернова как ярого его приверженца, но в 1999 г. автор уже пересмотрел свои прежние оценки, утверждая, что тот являлся убеждённым демократом, умным, высокообразованным политиком.

С начала 2000-х гг. историки активно разрабатывают тематику, связанную с проходившим в 1922 г. судебным процессом над партией эсеров. В сборнике документов⁹ и работах К.Н. Морозова¹⁰ были рассмотрены деятельность Чернова в период подготовки и проведения процесса, а также его позиция в отношении советской власти и террора в годы Гражданской войны. Определённый вклад в изучение мировоззрения лидера партии эсеров 1917–1920-х гг. внёс

³ Быстрянский В. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; Луначарский А.В. Бывшие люди: очерк истории партии эсеров. М., 1922; Мещеряков В.И. Партия социалистов-революционеров. М., 1922; Черномордик С.П. Эсеры. Харьков, 1930; Ярославский Е.М. Третья сила. М., 1932. Социалистическая доктрина Чернова оценивалась как антинаучная, однако признавалось её общедемократическое содержание в работах: Мороховец Е.А. Аграрные программы политических партий в России. М., 1929; Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922.

⁴ Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М., 1963; он же. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. Исторический очерк. М., 1975.

⁵ Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977; он же. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902–1914 гг. Л., 1983.

⁶ Хорос В.Г. Неонародническая идеология и марксизм. М., 1972; он же. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.

⁷ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX в. (по материалам Поволжья). Самара, 1994; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 12.

⁸ Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992; он же. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999. С. 176.

⁹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: сборник документов. М., 2002.

¹⁰ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005; он же. Политическое руководство Партии социалистов-революционеров в 1901–1922 годах // Политические партии в российских революциях в начале XX века / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2005. С. 483–484.

Б.К. Ярцев¹¹. В своих статьях он верно определил общую направленность эволюции представлений Чернова о причинах, характере и значении Октября – от однозначного осуждения и неприятия захвата власти большевиками – до выяснения объективных тенденций развития революционного процесса.

Новым явлением стало предпринятое в 1990–2000-х гг. исследование взглядов Чернова в период последней эмиграции¹². Его отношение к преобразованиям в Советской России и концепция «конструктивного социализма» достаточно объективно исследованы К.Г. Малыхиным¹³. Однако эти работы основаны исключительно на опубликованных источниках, что ограничило возможность для полного и всестороннего изучения темы. «За кадром» остались и взгляды Чернова на характер экономических и политических процессов 1930–1940-х гг. в нашей стране.

Плодотворной, на наш взгляд, является попытка саратовских исследователей А.П. Новикова, А.И. Авруса и А.И. Голосеевой представить биографию лидера эсеров, основываясь на ранее не опубликованных материалах отечественных и зарубежных архивов¹⁴. Г.В. Лобачёва и Новиков впервые подробно рассмотрели эмигрантский период жизни Чернова, отметив его вклад в развитие теории и практики мирового социалистического движения, ввели в научный оборот неизвестные письма лидера эсеров и его соратников по эмиграции¹⁵.

В зарубежной историографии объектом изучения стали деятельность и взгляды Чернова дореволюционного и революционного периодов в контексте истории партии эсеров. Так, американский учёный О.Г. Рэдке¹⁶ признавал неординарные способности этого человека, полагая, что отсутствие у него организаторского таланта, умения убеждать в своей правоте и отстаивать собственную точку зрения оказались фактором, способствовавшим поражению эсеров.

Большое внимание теоретическим изысканиям социалистов-революционеров уделил немецкий исследователь М. Хильдермайер. Он не согласился с утверждением Рэдке о том, что история партии эсеров предстаёт в виде цепи субъективных ошибок. Историк рассматривает её сквозь призму проблемы модернизации России. По мнению Хильдермайера, представленная Черновым программа модернизации, рассчитанная на реализацию варианта некапиталистического развития и сохранение большого удельного веса аграрного сектора

¹¹ Ярцев Б.К. Чернов, эсеры и большевистский режим // Свободная мысль. 1994. № 5. С. 95–98; он же. Социальная философия В. Чернова // Был ли у России выбор? М., 1996. С. 137–140.

¹² Костиков В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. С. 82; Чубыкин И.В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918–1922) // Русское национальное меньшинство в Эстонской республике, 1918–1940. Тарту; СПб., 2001. С. 65–66.

¹³ Малыхин К.Г. Большевистская модернизация России и русское зарубежье 20–30-х годов. Ростов н/Д, 2000; он же. Социалистические и леволиберальные течения русского зарубежья 20–30-х гг. XX в.: оценка большевистского реформирования России. Очерки истории: учебник. Ростов н/Д, 2009.

¹⁴ Новиков А.П. В.М. Чернов: человек и политик: Материалы к биографии. Саратов, 2004; Аврус А.И., Новиков А.П. От Хвалынского до Нью-Йорка: Жизнь и общественно-политическая деятельность В.М. Чернова. Саратов, 2013; Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П. Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М., 2015.

¹⁵ «Мы, русские, – другие, мы созданы для испытаний». Письма В.М. Чернова. 1920–1941 / Публ., вступ. ст., подготовка текста и коммент. Г.В. Лобачёвой, А.П. Новикова. Саратов, 2014.

¹⁶ Radkey O. The Agrarian Foes of Bolshevism: promise and default of the Russian Socialist Revolutionaries February to October 1917. N.Y., 1958; Radkey O. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the early months of Soviet Rule. N.Y., 1963.

экономики, не отвечала задачам форсированной индустриализации, что и обусловило поражение его партии на политической арене¹⁷. Автор сконцентрировался на теоретических изысканиях Чернова, высоко оценил его литературные и интеллектуальные способности¹⁸.

В статьях американского историка М. Мелансона подчёркивается, что разработанная лидером эсеров социальная концепция революции была более адекватна российской реальности, чем марксистская. По мнению автора, в 1917 г. Чернов получил уникальный шанс воплотить свою теорию на практике, однако отсутствие политического чутья, умения проявить решительность, твёрдость в нужное время и в нужном месте, наряду со склонностью к политическому самопожертвованию, привели его как политического лидера к фатальному поражению¹⁹.

Особо интересовала зарубежных исследователей аграрная тематика, разработанная Черновым²⁰.

Однако по-прежнему фигура Чернова привлекает внимание историков прежде всего как идеолога эсеровского террора. Американская исследовательница А. Гейфман высказала интересную мысль, что на изменение представлений народнических мыслителей о роли и месте террора в политической борьбе большое влияние оказал марксизм. В итоге эсеры даже террор «привязывали» к развитию массового народного движения²¹. Голландский исследователь М. Янсен²² затронул вопросы, связанные с отношением Чернова к террору в годы революции и Гражданской войны, а также дал общую характеристику эсеровской эмиграции 1920-х гг.

В США были защищены три докторские диссертации, посвящённые лидеру эсеров²³. Его внук С.Б. Сосинский стал автором одной из них. Изучив особенности мировоззрения Чернова, он отметил противоречивое сочетание принципов гуманистической морали и политического утилитаризма, что проявилось в оправдании террора как средства революционной борьбы. Вместе с тем исследователь подчеркнул, что его дед всю жизнь был верен демократическим ценностям.

¹⁷ *Hildermeier M.* The Russian Socialist Revolutionary Party before the First World War / M. Hildermeier. N.Y., 2000. P. 340–343.

¹⁸ *Ibid.* P. 45.

¹⁹ *Melancon M.* Chernov // Critical companion to the Russian Revolution 1914–1921 / Ed. by Edward Acton, Vladimir Cherniaev, William Rosenberg. L.; Sydney; Auckland, 1997. P. 136–137; *Melancon M.* The Socialist-Revolutionary Party (SRs), 1917–1920 // *Ibid.* P. 281–290; *Мелансон М.* Чернов // Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / Э. Эктон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев. СПб., 2014. С. 192–197; *он же.* Партия социалистов-революционеров (эсеры) // Там же. С. 222–231.

²⁰ *Perrie M.* The agrarian policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party from its origins through the revolution of 1905–1907. Cambridge, 1976; *Вентури А.* Русско-итальянская модель В.М. Чернова (1899–1902 гг.) // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997; *Immonen H.* The agrarian Program of the Russian Socialist-Revolutionary Party, 1900–1914. Helsinki, 1988.

²¹ *Geifman A.* Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Prinsenton, 1995; *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997.

²² *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

²³ *Cross T.V.* Victor Chernov: Reason and Will in a Morality for Revolution. Bloomington, 1968; *Randal F.B.* Major Prophets of Russian peasant socialism: A study in the Social thought of N.K. Mikhailovskii and V.M. Chernov. N.Y., 1961; *Sossinsky S.B.* Page from the live and work of an SR leader a reappraisal of Victor Chernov. Boston, 1995.

Однако, несмотря на огромный положительный опыт, накопленный в изучении теоретического наследия лидера эсеров, степень изученности его мировоззрения является недостаточной. Практически не исследована идейная эволюция Чернова периода последней эмиграции. В научной литературе пока не сложилось целостного представления о его взглядах на проблему революционного насилия, причём значительную часть работ лидера эсеров 1920–1940-х гг. ещё не введена в научный оборот. На протяжении ряда лет этот пробел стремится восполнить в своих публикациях О.В. Коновалова²⁴.

В начале XX в., разрабатывая тактику эсеровской партии, Чернов выступил с призывом использовать опыт террористической борьбы «Народной воли». В ранних программных статьях он доказывал целесообразность политического насилия, рассматривая террор, во-первых, как меру самообороны от произвола власти, во-вторых, как способ революционизации масс²⁵. Лидер эсеров полагал, что если власть отказывается признать демократические права и свободы общества, то этим ставит себя вне морального закона. Тогда для нравственной личности возникает обязанность «восстановить нарушенное право человеческого убеждения и человеческой совести, не останавливаясь, если этого нельзя избежать, перед средствами, присущими войне»²⁶. Чернов настаивал на применении террора как действенного средства борьбы с властью в период спада революции 1905–1907 гг. и наступления реакции²⁷. При этом он не исключал возможности приостановки террора, если самодержавие шло на «демократические» уступки.

Революционные события, кризис партии после разоблачения Е. Азефа, неудачная попытка возродить эсеровский террор заставили Чернова задуматься о месте этого метода борьбы в политической доктрине партии. С этого времени он начал сомневаться в универсальности террористической тактики, всё чаще в его работах звучит мысль, что революционное насилие является вынужденной мерой, «роковой и трагической необходимостью», вызванной слепым упорством власти, и актуально только тогда, когда иные средства недействительны. «Время самодовлеющего терроризма, – писал лидер эсеров, – отошло безвозв-

²⁴ Коновалова О.В. В.М. Чернов о демократии и социализме // Исторический архив. 2001. № 4; она же. О политических аспектах терроризма: современный ракурс сквозь призму истории // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.И. Горобцов. Красноярск, 2002; она же. Политические идеалы В.М. Чернова: взгляд через годы: монография. Красноярск, 2005; она же. К истории гражданской войны в России: В.М. Чернов, эсеры и Директория // Российская история. 2006. № 5. С. 49–64; она же. В.М. Чернов о тоталитаризме. Статьи конца 1930-х – начала 1940-х гг. // Исторический архив. 2008. № 1. С. 3–24; она же. Эсеровская эмиграция о большевистском варианте модернизации России (по работам В.М. Чернова): монография. Красноярск, 2008; она же. Идеология терроризма: теоретические и исторические аспекты // Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части 5-го специализированного форума / Отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск, 2009. С. 108–117; она же. Чернов В.М. О путях развития России. М., 2009; она же. Особенности терроризма в России: исторические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3(7). С. 69–73; Kononova O.V. V.M. Chernov on «Stalin's modernization» // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 7. № 11. С. 1886–1893.

²⁵ [Чернов В.М.] Террористический элемент в нашей программе // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Сост. О.В. Будницкий. Ростов н/Д, 1996. С. 202.

²⁶ Чернов В.М. Н.К. Михайловский, как этический мыслитель // Заветы. 1914. № 5. С. 34–35, 38–39.

²⁷ Социалист-революционер. 1910. № 2. С. 40, 45.

ратно в прошлое... Террор приемлем или не приемлем — в зависимости от того, может ли он служить одним из подсобных средств массовой работы. Террору не может принадлежать центральное руководящее место в партийной тактике. Он — средство подчинённое»²⁸. Эти сомнения привели Чернова к тому, что во время Февральской революции 1917 г. он отказался от революционной борьбы, сделав ставку на реформы сверху.

Захват власти большевиками в октябре 1917 г. и последовавшая за этим Гражданская война заставили Чернова вновь вернуться к вопросу о роли политического насилия. В статье «Оба хуже» он, сравнивая эсеровский террор до 1917 г. с большевистским, пришёл к выводу, что политическое насилие это всегда плохо, так как оно нарушает права человека. Однако эсеровский террор был направлен против насилия государства, и боевики сознательно приносили себя в жертву для того, чтобы покарать виновных в унижении народа. В этом смысле это «сакральный» террор, так как борьба личности за свои права не только морально оправданна, но и священна. Однако большевики применяли насилие против личности, опираясь на силу государственного аппарата, и таким образом, приносили в жертву не себя, а других²⁹, поэтому эсеровский террор рассматривался как морально оправданный и даже священный. Тогда как обезличенный государственно-классовый террор большевиков носил, безусловно, аморальный характер³⁰. В оценке Черновым революционного насилия в этот период явно прослеживался моральный релятивизм, связанный, очевидно, с инерцией борьбы с самодержавием. На лицо двойная оценка революционного насилия — оправдание тех, кто действует против государственной власти и её носителей, и неприятие мер государственного принуждения.

Позднее, уже находясь в эмиграции, Чернов попытался беспристрастно разобраться в причинах революционного насилия. Он призывал искать их со стороны как белых, так и красных в особенностях российской истории. Чернов видел их в отсталости страны, веками накапливавшихся неразрешённых противоречиях, обуявшем общество военном психозе: «Из-за оргии расправ огосударствлённых обездушенных казёнщиной гильотины или чекистского подвала — не забудем другой оргии — оргии массовых самосудов... вполне, увы, народных». Большевизм, с точки зрения Чернова, лишь «концентрировал в себе известную сторону охлократических тенденций революции»³¹. Ещё более резко выразил эту точку зрения коллега Чернова по «Революционной России» Е.Г. Шрейдер: «Октябрь — это тот же Февраль, но доведённый до пароксизма, облечённый отчасти в психологическую форму вольницы»³².

В этом плане оценка Октябрьской революции, данная Черновым, перекликалась с рассуждениями меньшевиков Ю.О. Мартова, Д.Ю. Далина и Ф.И. Дана, опубликованными на страницах эмигрантского периодического журнала «Социалистический вестник»: «Да, революция наша подчас мрачная, страшная и

²⁸ ГА РФ, ф. 5847, оп. 2, д. 1ж, л. 1.

²⁹ Там же, оп. 1, д. 14, л. 14–26.

³⁰ Чернов В. Оба хуже // Международный институт социальной истории (Амстердам). Архив ПСР. 1037.

³¹ Чернов В.М. Аккорды и диссонансы революции // Революционная Россия. 1927. № 62. С. 10–13. «Революционная Россия» — эсеровский журнал, издаваемый В.М. Черновым за границей.

³² Шрейдер Е. Октябрь // Там же. № 61. С. 25.

кровавая; свершая великое, она и низко падает. Но каждая страна имеет такую революцию, какую она заслуживает»; «Революция буйная, кровавая, жестокая. Но она ведь наша, родная, русская революция, и не проклинать, а исправлять её надо»³³.

Чернов рассматривал осуществлявшиеся большевиками социально-экономические и политические преобразования 1920–1930-х гг. как составную часть начавшегося в России в 1917 г. революционного процесса, выделив несколько его этапов. От падения самодержавия до октября 1917 г. революция «балансирует между встречными требованиями унаследованной от самодержавия мировой войны и внутренней логикой самой революции». Затем «она сделала отчаянную попытку стряхнуть с себя путы внешней войны, превратив её по формуле Ленина в войну гражданскую, и, всё суживая свой социальный базис, довела до своего апогея в политике – режим диктатуры и террора, а в экономике – систему военного коммунизма». С переходом к нэпу, по мнению Чернова, революция начала медленный «спуск на тормозах», преодолевая в своей среде все виды «левой оппозиции», в 1928 г., испугавшись масштаба собственного «отступления» и поборов все виды «правого эволюционизма», пробовала стабилизироваться на своеобразном режиме «партийного абсолютизма», социальный смысл которого заключался в форсированной индустриализации страны во что бы то ни стало, хотя бы за счёт всего остального народного хозяйства. С этого момента она натолкнулась на возраставшее сопротивление деревни: «развитие социальных противоречий революции вступает в новый фазис»³⁴.

На страницах эмигрантской печати Чернов участвовал в дискуссии по поводу характера происходивших в СССР изменений, в которой определились две принципиальные позиции. Меньшевик Ф.И. Дан и эсер В.В. Сухомлин утверждали: поскольку у власти была Коммунистическая партия, а буржуазии и капиталистическим отношениям пришёл конец, правомерно было бы рассматривать советский строй как социалистический. Эту точку зрения поддержал и лидер австрийских социал-демократов О. Бауэр. Однако большинство участников полемики, в том числе Чернов, рассматривали общественную систему СССР как разновидность государственного капитализма. «Как любое частное капиталистическое предприятие, возглавленное социалистом, от этого не перестанет быть капиталистическим предприятием, так и система государственного капитализма от простого перехода власти к социалистической партии ещё не перестанет быть системой государственного капитализма, – утверждал Чернов, – ибо дело не в том, чтобы отдельного буржуа (или буржуазию), злого хозяина, заменить социалистом (или социалистической партией), добрым хозяином, дело в том, чтобы изменить социальный тип хозяйства»³⁵.

Аргументируя свою позицию, лидер эсеров подчёркивал, что большевикам не удалось перейти к социалистическому типу хозяйства, для которого характерны гармоничное согласование интересов рабочих, организаторов производства и потребителей; создание экономических и социально-политических условий для полного освобождения труда; изменение характера общественных отношений – переход от эксплуатации и конкуренции к сотрудничеству и со-

³³ Далин Д. Большевизм и революция // Социалистический вестник. 1928. № 10. С. 10.

³⁴ Hoover Institution archives (HIA), B.I. Nikolaevsky Collection (NC), box 384, f. 19.

³⁵ Чернов В.М. К теории госкапитализма и социализма // Революционная Россия. 1926. № 47. С. 12–13.

лидарности. Субъектом эксплуатации в СССР, как отмечал Чернов, оставалось коллективное юридическое лицо – государство, точнее, «правлящая партия в режиме диктатуры»³⁶.

В 1939–1940-х гг. новое направление дискуссии задал лидер австрийских и германских социал-демократов Р. Гильфердинг, высказавший идею о формировании в Советском Союзе общественной системы особого типа – не капиталистической, не социалистической, а «третьей» – «тоталитарной», характерной чертой которой являлось тотальное огосударствление всей хозяйственной жизни³⁷. Эта идея стала отправной точкой для последующих рассуждений Чернова. Обращаясь к анализу исторических предпосылок формирования советской системы, он усматривал её истоки в особенностях капиталистической эволюции страны.

Ещё в начале XX в. Чернов предложил типологический подход к исследованию общественных процессов, основанный на своеобразном синтезе марксистского формационного и цивилизационного подходов. Согласно ему, общие тенденции мирового развития по-разному преломлялись в различных национальных культурах, определяя тот или иной тип (модель) развития страны³⁸. Так, на формирование российской модели значительно повлияли позднее вступление страны на путь капитализма, потребность в ускоренной индустриализации, специфика политического и культурного развития и разрушительное воздействие на неё Первой мировой войны.

Чернов полагал, что по целому ряду исторических причин капитализм не выполнил своей исторической миссии – индустриализации России. Незавершённость и противоречия дореволюционной индустриализации, проводимой царским правительством, привели к нарастанию экономического отставания страны, обострившегося в 1914–1918 гг. «Экзамена мировой военной катастрофы он (империалистический капитализм. – *Авт.*) не выдержал и крахнул», – писал Чернов. Коммунистическая партия, придя к власти, хотя и «отменила капитализм декретом», однако была вынуждена продолжить то, что не довершило прежнее государство. Советской власти пришлось взять на себя «чёрную работу неудачницы буржуазии». Индустриализация стала «душой советской экономической политики»³⁹, однако в отличие от С.Ю. Витте большевикам не удалось разрешить проблему внешних источников финансирования модернизации. Это предопределило процесс сворачивания нэпа: «Большевики не виноваты, что не остановились перед таким эпилогом. Они сами были жертвою истории, жертвою обстоятельств, но прежде всего – жертвою собственного предприятия. Захват тоталитарной диктатуры в экономике и политике для разрешения досоциалистических и несоциалистических задач мстит за себя жестоко с'etart la fatalite»⁴⁰.

У Страны Советов, отмечал Чернов, не было таких источников накопления, как у западноевропейской буржуазии, – экономических ресурсов колоний. Поэтому роль «внутренней колонии», по его словам, сыграло российское крес-

³⁶ Чернов В.М. Краткий смысл пространных споров // Революционная Россия. 1926. № 46. С. 4–5.

³⁷ Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1940. № 8. С. 119.

³⁸ Чернов В.М. Проект новой партийной программы // Революционная Россия. 1924. № 33–34. С. 8. См. подробнее: Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России.

³⁹ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 34, л. 291–292 об.

⁴⁰ Там же, л. 287.

тьянство. Большевики вынуждены были форсировать внутреннее накопление капиталов, стремясь сосредоточить их в руках государства⁴¹. Таким образом, лидер эсеров к концу 1930-х гг. практически признал, что у большевиков не было иной альтернативы, кроме индустриализации за счёт крестьянства.

По мнению Чернова, уже к концу 1920-х гг. определились принципиальные особенности советской экономической системы, покоившейся на государственной собственности и тотальном государственном регулировании всей хозяйственной жизни. Советское государство, писал он, не только регулировало экономические процессы, используя рычаги Госплана, но и являлось субъектом собственности, «единым и единственным Всехозяином, Государством-предпринимателем»⁴². Секрет возрастания финансовой мощи СССР – сосредоточение в руках государства не только власти, но и предпринимательской, и торговой прибыли, и ренты⁴³.

Характеризуя идеологические установки большевизма в 1930-е гг., Чернов подчёркивал, что они являются «определённой смесью наполеонизма, петроградизма и нищезанятия». В сознании большевиков, на его взгляд, произошла подмена цели и средств политики. Индустриализация страны из средства для достижения благополучия личности и общества превратилась в самоцель, а человек – в средство для её достижения: «Не производство для народа, а народ для производства»⁴⁴. Большевики, стремясь сберечь как можно больше сил и средств для воздвижения «Хеопсовых пирамид тяжёлой индустрии и электрификации», забыли самого человека⁴⁵. Причины такой метаморфозы он верно связывал с последствиями Первой мировой и Гражданской войн. Чернов был уверен, что методы управления, которые использовали царское и Временное правительства в годы войны, большевики перенесли на мирное время. Главной задачей в милитаризованном государстве, подчёркивал он, стало увеличение внешней мощи, ради чего население было обязано жертвовать всем, потребности масс отступали на последний план.

Особенности российской модернизации идеолог неонародничества принципиально связывал как с историческими, социально-экономическими, политическими условиями развития страны, так и с её геополитическим положением. По его мнению, неблагоприятная внешнеполитическая обстановка, давление извне, угроза поражения в войне и в эпоху Петра I, и в сталинский период являлись своеобразными стимулами для модернизации, в силу таких обстоятельств приобретавшей милитаризованный характер. Сама Октябрьская революция, с точки зрения Чернова, оказалась «законным детищем войны», более того – её непосредственным продолжением, перенесённым в страну с её внешних границ⁴⁶.

Однако, на взгляд Чернова, милитаристский дух большевизма – это не только порождение Первой мировой войны. Его истоки следовало искать в глубинных исторических пластах самодержавного строя России. «Вековое господство самодержавия врезалось в психологию, коварно впивалось жалящими когтями

⁴¹ Там же, д. 60, л. 852.

⁴² Чернов В.М. К познанию советской экономики // За свободу. Нью-Йорк, 1942. № 6–7. С. 12–13.

⁴³ Чернов В.М. На путях этатизма // Там же. № 8–9. С. 40.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 30, л. 48–49.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Чернов В.М. Подражатели Судейкина // Революционная Россия. 1924. № 35–36. С. 14.

в души самих революционеров, делало втайне их духовными автократами», — писал он. На это «тайное родство» указывало даже остроумно подмеченное Черновым известное выражение Ленина о советской власти как о «самодержавии народа»⁴⁷.

По убеждению лидера эсеров, экономическую систему СССР нельзя было считать социалистической. Он полагал, что в XX в. мир вступил в новую эпоху — «гиперимпериализма», государственного капитализма, или этатизма, отличительными чертами которого стали усиление роли государства в общественной жизни, сращивание финансовой олигархии с государственным аппаратом, обострение противоречий между индустриально развитыми и аграрно-сырьевыми странами, т.е. наступил новый качественный этап между стадией «организационного, регулируемого» империалистического капитализма и социализмом. Однако в странах, поздно вступивших на капиталистический путь (с незавершёнными процессами первоначального накопления и индустриализации), этатизм, по мнению Чернова, приобретал особые формы. Продолжая развивать идеи Р. Гильфердинга, он отмечал: «Советский строй нельзя назвать ни капиталистическим, ни социалистическим, ни переходным этапом — смешанной экономикой, это нечто третье — государственный капитализм — или этатизм... с собственными законами внутреннего равновесия и собственной тенденцией развития»⁴⁸.

Концепция тоталитаризма Чернова, по сути, являлась логическим развитием его доктрины о типах капиталистической эволюции. Именно «опоздавшие» государства, в развитии которых преобладали «тёмные» стороны капитализма... в условиях XX в. трансформировались в тоталитарные диктатуры. Но сам Чернов к такому выводу не приходил, более того, он отказывался признавать тоталитаризм адекватной формой развития обществ, переживавших существенные трудности на пути модернизации. В этом проявились противоречия концептуальных построений Чернова. Он был убеждён в существовании особых моделей развития капитализма, однако не хотел признавать, что своеобразным социально-экономическим условиям соответствуют адекватные им политические формы. Взгляды Чернова, ориентированные на защиту прав и свобод личности, демократию, не позволяли ему смириться с диктатурой. «Тоталитарному хозяйственному этатизму» в СССР соответствовала, по мнению Чернова, особая политическая форма — «тоталитарное однопартийное государство»⁴⁹.

Характеризуя суть советского политического режима, он писал о всевластии И.В. Сталина и Коммунистической партии, её сращивании с государством, об управлении страной с помощью репрессий. Причины последних лидер эсеров, в отличие от многих своих современников, связывал не столько с личностью вождя, сколько с своеобразием политической системы, историческими закономерностями революционного процесса и особенностями политической культуры народных масс⁵⁰. Репрессии, по его мнению, были обусловлены логикой развития диктатуры, эволюционировавшей от партийной олигархии к власти диктатора, потребностью осуществлять партийный контроль над разросшимся

⁴⁷ Чернов В.М. Разрушение вместо созидания (Полное собрание сочинений В.И. Ленина) // Воля России. 1924. № 1–2. С. 165–182.

⁴⁸ Чернов В.М. К познанию советской экономики... С. 16; он же. На путях этатизма... С. 37–38; он же. Этатизм, оттесняющий социализм // НИА, NC, box 391, f. 22; он же. Природа тоталитарного этатизма // Ibid (две последние статьи см.: Коновалова О.В. В.М. Чернов о тоталитаризме. Статьи конца 1930-х – начала 1940-х гг.).

⁴⁹ НИА, NC, box 391, f. 14.

⁵⁰ См.: Чернов В.М. Аккорды и диссонансы революции.

бюрократическим аппаратом в условиях форсированной модернизации при неблагоприятной внешнеполитической обстановке⁵¹.

Исходные методологические установки позволили Чернову и его единомышленникам по «Революционной России» вскрыть существенные противоречия советской политической системы и практически предугадать сценарий краха «большевистского коммунизма». Он подчёркивал, что Советы только формально считались высшими органами в государстве, на самом же деле являлись лишь инструментом в руках ЦК ВКП(б)⁵². Однако большевики, фактически передав реальную власть из их рук исполкомам, всё же вынуждены были сохранить съезды Советов, хотя и ограничили их представительскими и учредительными функциями. Существование Съезда Советов как органа верховной власти, по мнению Чернова и Шрейдера, для политической монополии партии большевиков представляло потенциальную опасность. Пока компартия оставалась монолитной и в её среде не существовало разногласий, она могла не тяготиться всесоюзным и республиканскими съездами. В случае же перенесения внутрипартийной борьбы в область советскую (открытая критика партийных директив на съездах), что, по сути, по мнению Шрейдера, означало апелляцию к стране, возникала «во весь рост грозная реальная опасность... краха диктатуры»⁵³.

Другую скрытую угрозу для советской политической системы, считали эсеры, представляла непомерно разросшаяся бюрократия. Несмотря на стремление большевиков ликвидировать её, в результате создания советского и партийного аппаратов произошёл многократный рост «красной бюрократии»⁵⁴. «Плебеизация» последней за счёт выходцев из рабоче-крестьянской массы, по мысли Чернова, не могла служить гарантом связи государства с народом, потому что интересы советских чиновников, как правило, расходились с целями большевиков как в индивидуальном, так и в корпоративном плане. Это могло послужить причиной «не баррикадной, а легальной революции», так как преимущественно «бюрократический» состав советских съездов «сыграл» бы против ВКП(б)⁵⁵. В этом плане процесс начался бы с расширения полномочий Советов и демократизации избирательной системы⁵⁶. Чернов, в отличие от Шрейдера был уверен, что демократизация Советов могла явиться только определённой ступенью на пути перехода к парламентаризму⁵⁷. Он подчёркивал, что «для партии принципиально вполне приемлемо открытое организованное возвращение в Советы», которое может послужить исходной точкой дальнейшей мирной эволюции России и «демократизации советского строя изнутри»⁵⁸.

Демократизация политического строя, по мнению Чернова, неизбежно должна была привести к распаду советской «псевдофедерации». В этом случае он считал целесообразным образование на территории Советского Сою-

⁵¹ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 34, л. 231.

⁵² Chernov V. The Soviet Government and the Communist Party // Foreign Affairs. 1929. January. P. 242–254.

⁵³ Шрейдер Гр. Перспективы коммунистической диктатуры // Революционная Россия. 1927. № 59–60. С. 26.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 31, л. 79.

⁵⁵ Шрейдер Гр. Перспективы коммунистической диктатуры. С. 25–26.

⁵⁶ Шрейдер Гр. Какой должна быть демократизация Советов // Бюллетень Американской федерации ПСР. 1930. № 5–6. С. 3–6.

⁵⁷ Чернов В.М. О демократии и трудовом цензе // Революционная Россия. 1923. № 30. С. 16.

⁵⁸ Проект платформы Американской федерации ПСР // Бюллетень Американской федерации ПСР. 1930. № 1. С. 9.

за конфедерации независимых государств – Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана, если необходимо, то и Кавказа. Чтобы подобные процессы не сопровождались вооружёнными конфликтами, Чернов предлагал создать в стране демилитаризованные зоны и обеспечить на территории бывших республик гарантии равенства «иностранцев в гражданских и имущественных правах с гражданами соответственных государств»⁵⁹.

Отмечая глубокие противоречия советской политической системы, он предрекал её неизбежное перерождение и крах. В отличие от правых эсеров, в 1930-е гг. решительно взявших курс на подготовку революции в СССР, представители левоцентристского крыла, группировавшиеся вокруг «Революционной России», были убеждены в предпочтительности для страны не революционной, а мирной эволюции политического режима. Их позиция перекликалась с тактическими установками меньшевистской партии, заявившей в 1922 г. о принципиальном отказе от насильственных способов свержения большевизма⁶⁰.

Сам Чернов ещё в ноябре 1920 г. в беседе с сотрудником газеты «Daily News» говорил: чем «дольше удастся большевистской власти продержаться, тем внезапней и катастрофичней будет её падение... Будет так, как с самодержавием: хотя его падение ожидалось и предрекалось давно, а пало оно вдруг, заставши всех врасплох, и пало с невероятной лёгкостью, хотя еще накануне казалось неприступной твердыней»⁶¹. Возвращаясь к этому вопросу в начале 1930-х гг., лидер эсеров предостерегал, что в период катастрофического падения большевизма может возникнуть не менее опасная тенденция – стремление немедленно «возвратиться к здоровому капитализму», всё «перестроить», «денационализировать без удержу», прикрываясь красивой ширмой «раскрепощения хозяйственного индивидуума». Такие «эпидемии буржуазного поправения», по его мнению, могли спровоцировать рецидивы большевизма⁶².

Чернов призывал «чрезвычайно осторожно и бережно» относиться к социально-экономическому наследию советской системы. В случае прихода к власти в России демократических сил он предлагал сохранить «хозяйственно рентабельные и социально выгодные учреждения и предприятия кооперативного и государственного сектора, которые продемонстрировали свою жизненность и эффективность и могли бы послужить твёрдым отправным пунктом дальнейшей восстановительной и преобразовательной работы»⁶³.

Советская партийная диктатура, считал Чернов в 1930-х гг., не являлась социалистической, «демократия есть не что иное, как политическая сторона социализма», суверенитет права, свобода – это душа демократии и социализма⁶⁴. «Без свободы, – писал он, – нет и не может быть вложенного в труд личного начала; а без него и труд не является индивидуальным творчеством, и трудящийся перестаёт быть человеком во всём высоком значении этого слова, а превращается в живого робота». Большевистский режим, по его мнению, и стал именно таким социализмом роботов. Кроме того, государство, именовавшее

⁵⁹ Платформа Социалистической лиги нового Востока // Революционная Россия. 1927. № 59–60. С. 20.

⁶⁰ Дан Ф. Борьба за демократию // Социалистический вестник. 1922. № 20. С. 6–8.

⁶¹ Чернов В.М. О положении большевистской власти // Воля России. 1920. 19 ноября. С. 2.

⁶² International Institute Social History, V.M. Chernov Collection, box 16.

⁶³ Проект платформы Американской федерации ПСР (принятый объединённым собранием эсеров Нью-Йорка) // Бюллетень Американской федерации ПСР. С. 8.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 11, л. 143, 127, 126.

себя «социалистическим», на самом деле являлось «самым крупным из коллективных рабовладельцев всех времён и народов, в распоряжении которого огромный край, типа Дальстроя, покрытый лагерями принудительного труда»⁶⁵.

Будущее социализма и социалистического движения лидер эсеров связывал с развитием «интегральной демократии»⁶⁶ (распространением демократических принципов не только на политическую сферу, но и на социально-экономические отношения, международные процессы. — *Авт.*). Современное народовластие «означает сохранение за большинством лишь строго определённых преимущественных прав... при строго ограждённом праве меньшинств и при полной неприкосновенности известных прав личности»⁶⁷, — писал он. — ...Весь исторический ход развития демократического режима, неразрывно связан с гарантией неприкосновенности... неотчуждаемых прав человека и гражданина»⁶⁸.

Последующее развитие демократии, считал Чернов, должно сместить акценты от вопроса, кому принадлежит право управления государством, к рассмотрению внутренней природы самой власти, от одностороннего упора на власть к взаимному согласованию понятий власти, права и свободы. Далее последовали бы рассредоточение властных полномочий, их «чёрный передел» между отдельными ветвями, центром и периферией, затем втягивание в политический процесс народа в качестве субъекта властных отношений⁶⁹. «Демократизм состоит не только в работе для массы, но и в работе через массу, путём её поднятия на высший уровень»⁷⁰, — утверждал идеолог эсеров.

Отношение к населению как к главной правотворческой силе составляло краеугольный камень его концепции политической демократии. Вместе с тем Чернов понимал, что совершенствование её внешних форм имело предел, упиравшийся в уровень культурного развития народных масс, а «внутренний демократизм означает глубочайшую терпимость и уважение к чужому убеждению как к “святому святых” личности. Им исключаются все виды духовного деспотизма, фанатизма догмы и ненависти к несогласно мыслящим»⁷¹. Чернов подчёркивал, что, поскольку демократия предполагает внутреннюю потребность в критике и оппозиции в качестве элементов совместного поиска истины, она немыслима без соответствующей трансформации народного сознания и воспитания народа в подлинно-демократическом духе.

Основное предназначение демократии, считал лидер эсеров, заключалось в том, чтобы предложить обществу такие форму и способ развития, при которых для разрешения социальных проблем удастся избежать вооружённых столкновений и кровавых революций. По его глубокому убеждению, демократия — это способ «умиротворения человечества, нахождения для разрешения всех его внутренних споров, распри и конфликтов нормальных мирных путей: путей ПРАВА». Она «есть царство ПРАВА» и призвана поднять на более высокий уровень его авторитет, открыть дорогу правоизъявлению широких народных масс, «суверенитет права — эта душа демократии — исключает суверенитет самодовлеющего произвола и насилия»⁷².

⁶⁵ Чернов В.М. Истоки // За свободу. 1947. № 18. С. 20–21.

⁶⁶ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 11, л. 146, 133.

⁶⁷ Исторический архив. 2001. № 4. С. 6.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 5847, оп. 2, д. 16, л. 51, 52.

⁷⁰ Там же, л. 47.

⁷¹ Исторический архив. 2001. № 4. С. 7.

⁷² ГАРФ, ф. 5847, оп. 1, д. 11, л. 127, 126.

В 1930-х гг. Чернов пришёл к выводу, что задача современного социализма – стать «гуманитарным», дополнив «экономический автоматизм» марксизма «социализмом гуманности». Развитие такого общественного строя невозможно «без внутренней духовной работы по формированию демократического миро-созерцания, мироощущения и мировоздействия. Демократия есть логический вывод и политический постулат современной гуманистической морали»⁷³.

Большевистский эксперимент, считал лидер эсеров, в целом поставил перед социалистическим движением принципиально важный вопрос – о соотношении цели и средств политики. Стремление к светлому будущему посредством попытки коммунистов осуществить на практике идею диктатуры пролетариата привела к установлению диктаторского режима. В итоге, писал Чернов, сработала определённая закономерность: «Когда “чрезвычайное и ненормальное” надолго становится нормою жизни, диктатура имеет тенденцию окостеневать в режим и вместо того, чтобы служить своей цели – наибо-льшему возврату к нормальному положению, – стремится сама себе сделаться целью... и утвердиться в качестве особого принципиально иного государственного строя»⁷⁴. Автор этих строк призвал социалистов отказаться от идеи диктатуры пролетариата и исключить её из своих программ⁷⁵.

Конечно, власть народа для защиты своих устоев вынуждена прибегать к силе. «Именно последовательный демократизм не только допускает, но даже требует, чтобы использование демократических прав и вольностей было отнято у тех, кто не признаёт связанных с ними обязанностей – уважать права и вольности других», – заявлял Чернов⁷⁶. Вместе с тем он предупреждал, что для народовластия опасна даже вынужденная самооборона путём установления диктатуры, которая «может быть навязана событиями, но от неё идёт предательская покатость в сторону диктатуры ради диктатуры». Установленная всерьёз и надолго она вместо лекарства для спасения может стать «ядом, который сожжёт, отравит демократию». «Поэтому применение чрезвычайных полномочий для спасения демократии возможно только на ограниченный промежуток времени и только тогда, когда демократия является, во-первых, исходным пунктом – источником, из которого рождаются временные права “диктатуры”, и, во-вторых, конечною целью»⁷⁷.

Чернов был убеждён, что «великого дела нельзя делать грязными руками, их прикосновение не проходит даром. Оно всё искажает, всё уродует, всё обращает в свою наглядную противоположность. В грязных руках твёрдая власть становится произволом и деспотизмом, закон – удавной петлёй, строгая справедливость – бесчеловечной жестокостью, обязанность труда на общую пользу – каторжной работой, правда – ложью». Возможно, в будущем, считал он, человечество осознает, что насилие порождает насилие, и выработает более гуманные способы взаимоотношений между людьми, странами и народами. Именно поэтому его привлекала этическая доктрина Л.Н. Толстого о непротавлении злу насилием, в которой, по мнению Чернова, «есть, конечно, зерно какой-то

⁷³ Чернов В.М. Двенадцать изречений Т.Г. Масарика о демократии (Там же, оп. 2, д. 23, л. 65–65 об.).

⁷⁴ [Чернов В.М.] К вопросу о диктатуре и демократии // Революционная Россия. 1928. № 69. С. 9.

⁷⁵ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 69, л. 681–681 об.

⁷⁶ Там же, д. 11, л. 138.

⁷⁷ Чернов В.М. Уроки коммунистического опыта // Воля России. 1923. № 17. С. 29.

высшей правды ... насилие побеждают любовью, а не насилием; любовь, против насилия прибегающая к насилию, сама вырождается в худший вид деспотизма». Безусловно, в реальной жизни, отмечал Чернов, «стихия массовых погромов, чужеземного нашествия, захвата власти и установления целого строя деспотии внешней или внутренней требует встречной силы, героической вооружённой самообороны, восстания, революции». Применение силы порой необходимо, в том числе для того, чтобы предотвратить большее насилие. Но всё-таки, был убеждён эсер, моральный максимализм Толстого этим не опровергался, а лишь дополнялся: «Когда любовь вдохновляет на убийство... ни для истины, ни для любви это насилие над самим собою не проходит так просто, даром»⁷⁸.

Чернов полагал, что возрождение социалистической идеологии невозможно без осознания того, что здоровый «пацифизм чувств» широких народных масс, «пацифизм человечности» — это неотъемлемое всеобщее достояние, которым нельзя поступиться в угоду победы какого-либо класса, даже пролетариата⁷⁹. Развивая эту идею в статье «Итоги марксизма» (написана к 50-летию смерти К. Маркса, но не опубликована), он указал: этика должна очерчивать для политики определённые рамки, вне которых оставались бы недостойные средства борьбы, — на них лежало бы моральное табу и их применение явилось бы не оправдываемым «никакими практическими удобствами и никакой конкретной целесообразностью»⁸⁰.

В 1930–1940-е гг. не осталось и следа от революционной романтики, характерной для начала политической деятельности Чернова. Демократические установки привели его к признанию приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. Революции и войны он называл «болезненными процессами жизни человечества», надеясь, что эпоха «его подлинного Очеловечения сдаст в исторический архив не только революции, но и саму память о них, — как ещё ранее этого она сдаст в него безобразное чудовище войны»⁸¹.

В целом особенности осуществлявшейся в СССР модернизации, драматические события, связанные со Второй мировой войной, перипетии жизненного пути стали факторами, сыгравшими решающую роль в переосмыслении Черновым роли насилия в обществе, сути революционного процесса, природы и характера большевистского режима. Взаимодействие с ведущими теоретиками и практиками западноевропейского социалистического движения в период последней эмиграции и глубокий анализ процессов, происходивших в СССР и мире, позволили ему выработать оригинальную научную концепцию, претендовавшую на объяснение сути развития советского общества. Практика большевизма — успехи и просчёты, методы управления страной, способы достижения цели — позволили Чернову более чётко представить свой общественно-политический идеал (социализм и демократию) и пути его достижения. Заслуга этого человека перед историей не исчерпывается его ролью теоретика и идеолога партии эсеров — он основательно исследовал особенности модернизации в Советской России, верно спрогнозировал сценарий краха СССР, определил перспективы и направления развития современного социалистического движения.

⁷⁸ [Чернов В.М.] К вопросу о диктатуре и демократии. С. 10.

⁷⁹ Чернов В.М. На путях великого смятения // Пути. Нью-Йорк. 1933. № 2. С. 5–6.

⁸⁰ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 11, л. 183.

⁸¹ Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Прага, 1934. С. 21, 30.